
Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Посвящается М. М. Достоевскому

Вы вызвали меня, добрый друг, {1} на то, чтобы я написал мои "литературные воспоминания". Хотя и опасно вообще слушаться приятелей, потому что приятели нередко увлекаются, но на этот раз я изменяю правилам казенного благоразумия. Я же, впрочем, и вообще-то, правду сказать, мало его слушался в жизни.

Мне сорок лет, и из этих сорока по крайней мере тридцать живу я под влиянием литературы. Говорю "по крайней мере", потому что жить, т. е. мечтать и думать, начал я очень рано; а с тех пор, как только я начал мечтать и думать, я мечтал и думал под теми или другими впечатлениями литературными.

Меня, как вы знаете, нередко упрекали, и пожалуй основательно, за употребление различных странных терминов, {2} вносимых мной в литературную критику. Между прочим, например, за слово "веяние", которое нередко употребляю я вместо обычного слова "влияние". С терминами этими связывали нечто мистическое, хотя было бы справедливее объяснять их пантеистически. {3}

Столько эпох литературных пронеслось и надо мною и передо мною, пронеслось даже во мне самом, оставляя известные пласты или, лучше, следы на моей душе, что каждая из них глядит на меня из-за дали прошедшего отдельным органическим целым, имеет для меня свой особенный цвет и свой особенный запах.

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten, {*} {4}
{* Вы снова здесь, изменчивые тени (нем.; пер. В. Пастернака).}

взываю я к ним порою, и слышу и чую их веяние...

Вот она, эпоха сереньких, тоненьких книжек "Телеграфа" и "Телескопа", с жадностью читаемых, дотла дочитываемых молодежью тридцатых годов, окружавшей мое детство, - эпоха, когда журчали еще, носясь в воздухе, стихи Пушкина и ароматом наполняли воздух повсюду, даже в густых садах диковинно-типического Замоскворечья, {5} - эпоха бессознательных и безразличных восторгов, в которую наравне с этими вечными песнями восхищались добрые люди и "Аммалат-беком". {6} Эпоха, над которой нависла тяжелой тучей другая, ей предшествовавшая, {7} в которой отзывается какими-то зловеще-мрачными веяниями тогдашнее время в трагической участи Полежаева. Несмотря на бессознательность и безразличность восторгов, на какое-то беззаветное упоение поэзией, на какую-то дюжинную веру в литературу, в воздухе осталось что-то мрачное и тревожное. Души настроены этим мрачным, тревожным и зловещим, и стихи Полежаева, игра Мочалова, варламовские звуки дают отзыв этому настрою... А тут является колоссальный роман Гюго {8} и кружит молодые головы; а тут Надеждин в своем "Телескопе" то и дело поддает романтического жара переводами молодых лихорадочных повестей Дюма, Сю, Жанена.

Яснеет... Раздается могущественный голос, вместе и узаконивающий и прищипывающий стремления и неясные гадания эпохи, - голос великого борца, Виссариона Белинского. В "Литературных мечтаниях", как во всяком гениальном произведении, схватывается в одно целое все прошедшее и вместе закидываются сети в будущее.

Веет другой эпохой.

Детство мое личное давно уже кончилось. Отрочества у меня не было, да не было, собственно, и юности. Юность, настоящая юность, началась для меня очень поздно, а это было что-то среднее между отрочеством и юностью. Голова работает как паровая машина, скачет во всю прыть к оврагам и безднам, а